

## Трибуна преподавателя

**Н. К. Вощикова<sup>1</sup>,**

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

### О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ ПРОГРАММЫ КУРСА МАКРОЭКОНОМИКИ

*В статье рассматриваются методологические проблемы соотношения теории и истории макроэкономики в учебных курсах для студентов-экономистов. Автор приходит к выводу, что единство исторического и логического в учебных программах по курсу макроэкономики реализуется на основе принципа преемственности научных идей и гипотез, последовательно разрабатываемых разными научными школами. К гипотезам, объединяющим все современные научные школы макроэкономики, можно отнести роль ожиданий экономических агентов в объяснении процессов макроэкономической динамики, обоснование использования правил при проведении макроэкономической политики, взаимосвязь экономического роста и экономических колебаний.*

**Ключевые слова:** история макроэкономики, макроэкономическая теория, учебные программы, научно-исследовательские программы, научные школы.

### ON THE METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF MACROECONOMICS COURSE PROGRAM

*The article deals with the methodological problems of the correlation between the theory and the history of macroeconomics in the training courses for economics students. The author comes to the conclusion that the unity of historical and logical in the curricula of the Macroeconomics course is realized on the basis of the principle of continuity of scientific ideas and hypotheses, consistently developed by different scientific schools. The hypotheses that unite all modern scientific schools of macroeconomics include the role of expectations of economic agents in explaining the processes of macroeconomic dynamics, the rationale for the use of rules in conducting macroeconomic policies, the relationship between economic growth and economic fluctuations.*

**Key words:** history of macroeconomics, macroeconomic theory, educational programs, research programs, scientific schools.

Повышение качества экономического образования, проблемы преподавания экономической теории на всех уровнях: от бакалавриата до аспи-

---

<sup>1</sup> Вощикова Наталья Константиновна, к.э.н., доцент экономического факультета; e-mail: nvoshchik@gmail.com

рантуры, задачи повышения квалификации преподавателей экономической теории, работающих в экономических вузах и на экономических факультетах в непрофильных вузах, всегда находятся в центре внимания научного сообщества. К базовым дисциплинам подготовки экономистов относятся в первую очередь микроэкономика и макроэкономика. Эти разделы экономической теории преподаются во всех вузах, что требует особенного внимания к методологическим принципам построения соответствующих учебных программ, содержанию учебных курсов, их постепенному, но своевременному обновлению в соответствии с развитием экономической теории и появлением новых проблем, на которые должны дать ответ экономическая наука и образование.

### **История и теория макроэкономики в учебных курсах**

Макроэкономика — динамично развивающаяся область научного знания, сформировавшаяся как самостоятельная дисциплина менее ста лет тому назад. Точкой отсчета научного прогресса этой важной составной части экономической науки стала «Общая теория занятости, процента и денег» Дж. Кейнса. С тех пор появилось много новаторских гипотез, теорий и школ. Толчком к появлению кейнсианских идей послужила Великая депрессия, поэтому генезис макроэкономики неразрывно связан с экономическими трудностями конца 20-х — начала 30-х гг. XX в.

Как писал философ, автор известных работ по теории научного знания К. Поппер: «Осознанной задачей, стоящей перед ученым, всегда является решение некоторой проблемы с помощью построения теории, которая решает эту проблему путем, например, объяснения неожиданных или ранее не объясненных наблюдений. Вместе с тем каждая интересная новая теория порождает новые проблемы — проблемы согласования ее с имеющимися теориями, проблемы, связанные с проведением новых и ранее немыслимых проверок наблюдением. И ее плодотворность оценивается главным образом по тем новым проблемам, которые она порождает» [Поппер, 2004, с. 370—371].

Согласование кейнсианства с имеющимися теориями — микроэкономикой, основанной на неоклассических принципах, валърасианской и маршаллианской идеями экономического равновесия — осуществлялось на протяжении нескольких десятилетий. В результате сформировался некий консенсус, известный как кейнсианско-неоклассический синтез.

Тяжелые для кейнсианской макроэкономики времена наступили в 60—70-е гг. XX в., когда ее сторонники столкнулись с противоречиями и трудностями. Предвидеть появление новых проблем, дать им теоретическое объяснение, выработать практические рекомендации по преодолению стагнации на основе кейнсианских моделей не получилось. Хорошо известно, что с этими задачами справился М. Фридмен: «...сегодня, когда

раздутый федеральный бюджет грозит вылиться в беспрецедентные дефициты, монетарная политика может погасить инфляционные страхи, если удерживать рост денежной массы на более низком уровне, чем это было бы желательно по некоторым соображениям» [Friedman, 1968, p. 14].

Основу монетаризма составили следующие принципы: рынки эффективно распределяют ресурсы; экономические агенты принимают решения в соответствии со своими ожиданиями; ожидания адаптивны; деньги имеют значение. Означало ли знаменитое обращение М. Фридмена при избрании на пост президента Американской экономической ассоциации в 1967 г., названное им «Роль монетарной политики», что в макроэкономике произошла монетаристская контрреволюция, или, напротив, монетаризм продолжил развитие макроэкономической теории в новых исторических условиях, опираясь на достижения своих предшественников — кейнсианцев? Ответ на этот вопрос неоднозначен и важен как для истории макроэкономики, так и для логической реконструкции науки и подготовки учебных программ по этой дисциплине.

Научная революция, согласно Т. Куну, предполагает, что в рамках научной дисциплины происходит разрыв с предшествующими теориями и формируется принципиально иное понимание объекта исследований, его важнейших свойств. Был ли монетаризм настолько отличен от кейнсианства?

В полемике с Дж. Кейнсом и его последователями М. Фридмен развивает количественную теорию спроса на деньги. В основе его версии количественной теории лежит представление о деньгах как об активах домашних хозяйств и фирм. По существу, М. Фридмен разрабатывает концепцию портфеля активов домашнего хозяйства. Принципы этого подхода были заложены Дж. Кейнсом в рамках теории предпочтения ликвидности. Единая концептуальная основа теорий спроса на кассовые остатки Дж. Кейнса и М. Фридмена — это аргумент в пользу версии о монетаристском этапе развития кейнсианских идей, против версии монетаристской контрреволюции. Как отметил М. Блауг в 1992 г.: «Сейчас мы только начинаем видеть кейнсианскую революцию в ретроспективе. От зенита славы монетаризма нас отделяют лишь два десятилетия, и, следовательно, в будущем мы наверняка будем пересматривать свой взгляд на его взлет и падение» [Блауг, 2004, с. 316].

Раскрывая суть категории богатства частных экономических агентов, в составе которого деньги являются одним из активов, М. Фридмен разрабатывает оригинальную теорию потребления — гипотезу перманентного дохода (ГПД). В рамках ГПД удастся снять противоречие между прежней, кейнсианской моделью потребления и реальной динамикой потребительских расходов и сбережений, отражаемой статистическими данными. М. Фридмен утверждает: «Ошибка Кейнса состояла в том, что он не обратил внимания на роль богатства в функции потребления, или, что то

же самое, не придал значения достижению желаемого запаса богатства как цели, стимулирующей сбережения» [Friedman, 1970, p. 206]. При этом отправным пунктом исследования поведения потребителей для М. Фридмена стало противоречие между «ключевыми величинами» в функции потребления Кейнса, предельной и средней склонностью к потреблению и статистическими данными об их динамике, поскольку эти показатели информативны, статистически проверяемы и научно значимы.

М. Фридмен оппонирует Дж. Кейнсу в вопросах целей, средств и возможностей государственного регулирования экономики, и здесь расхождения между ними достигают наибольшей величины; по сути, М. Фридмен предлагает заменить государственный активизм, политику точной настройки экономики на полную занятость и потенциальный выпуск недискреционной политикой, или политикой правил (монетарное правило).

Монетаристский пересмотр кейнсианской теории в сознании научного сообщества и лиц, ответственных за экономическую политику, состоялся, но М. Фридмен при этом не отрицал, что теория Дж. Кейнса плодотворна, поскольку акцентирует внимание на нескольких ключевых величинах, необходимых для объяснения макроэкономических процессов, к этим величинам относятся предельная склонность к потреблению, сбережениям и предельная эффективность инвестиций.

Практическая реализация идей М. Фридмена началась в 1979 г., когда ФРС США, а также правительство М. Тэтчер начали монетаристский эксперимент, выбрав таргетирование денежной массы в качестве правила монетарной политики. Но уже в 1992 г. на фоне углубляющейся рецессии и высокой безработицы кредитно-денежная политика была скорректирована. Монетаристский эксперимент не удался.

Спустя несколько десятилетий, в наше время можно с уверенностью утверждать, что поворотным пунктом в развитии макроэкономической теории стал не монетаризм, а новая классическая макроэкономика, начало которой было положено публикацией статьи Р. Лукаса «Ожидания и нейтральность денег» [Lucas, 1972]. Вместе с тем, отдавая должное «Роли монетарной политики» через полвека после ее публичного прочтения и опубликования, Г. Мэнкью и Р. Рейс отмечают: «Сделав ожидания центральным пунктом исследования, М. Фридмен своим посланием помог осуществлению будущей революции рациональных ожиданий» [Mankiw, Reis, 2017, p. 6].

Революция рациональных ожиданий разделила историю макроэкономики на два этапа — кейнсианский период и период новой классической макроэкономики, который называют периодом DSGE-моделей [De Vroey, 2016]. С начала революции рациональных ожиданий прошло 45 лет, новая классическая макроэкономика, опираясь на методологию общего экономического равновесия Вальраса, разработала динамические стохастические модели общего экономического равновесия — DSGE.

Первоначально идеей «новых классиков» было создание модели экономических колебаний на основе неоклассической теории экономического роста Р. Солоу и микроэкономической теории потребительского выбора для экономики, близкой к совершенной конкуренции, т.е. с гибкими номинальными и реальными показателями (модель реального делового цикла — RBC) [Prescott, 2016]. Впоследствии ограничение модели условиями совершенной конкуренции было снято, к шокам, генерирующим экономические колебания, стали относить не только изменения совокупной производительности (TFP), но и монетарные факторы, бюджетно-налоговую политику, внешнеэкономические процессы, например, изменение цен на энергоносители.

В рамках DSGE-моделей экономика рассматривается как единая система, представленная большим количеством эндогенных переменных, постоянно изменяющихся под воздействием шоков. В числе этих переменных все основные макроэкономические показатели и параметры, такие как ВВП, потребление, инвестиции, величина занятости, уровень безработицы, заработная плата, запас капитала, процентная ставка, темп инфляции. Шоки, с которыми сталкивается экономика, могут быть временными или постоянными, случившимися или только ожидаемыми. Шоки влияют на оптимизационное поведение домашних хозяйств и фирм, что, в свою очередь, корректирует равновесие рынков реального и финансового секторов экономики. Неопределенность каких-либо факторов в будущем также играет роль шока. Под воздействием шоков меняются эндогенные переменные.

На основе DSGE-моделей анализируются динамические процессы в экономиках с разными проявлениями несовершенства рынка: с жесткими номинальными показателями, с издержками приспособления к желаемому запасу капитала, с неполными рынками. Эти модели разрабатываются и «новыми классиками», и «новыми кейнсианцами», и представителями нового институционализма.

Итак, история макроэкономики может быть представлена последовательностью основных школ: кейнсианство — кейнсианско-неоклассический синтез — монетаризм — новая классическая макроэкономика — новая кейнсианская макроэкономика. В то же время история макроэкономики может быть отражена сменой парадигм в ходе научных революций: кейнсианская революция и монетаристская контрреволюция, революция рациональных ожиданий.

История макроэкономики имеет значение не только для составления учебных программ по истории экономической мысли XX в., история науки не менее значима для подготовки программ по макроэкономике. Цель изучения макроэкономики — формирование глубоких, системных, научных знаний о макроэкономических закономерностях и тенденциях; представление макроэкономики как динамично развивающейся области

научных исследований. Эта цель достигается не только изучением истории науки, но в первую очередь анализом тех проблем, которые она рассматривает с помощью своих теорий.

Представляется, что макроэкономика за все время развития в рамках своего предмета решала три крупные проблемы. Это экономическая политика, экономические колебания и экономический рост.

Жизнь требовала начать с государственной политики. Суть практических кейнсианских рекомендаций в этой области составляет вывод о необходимости бюджетно-налогового стимулирования для устранения вынужденной безработицы, а также доказательство неэффективности мер стимулирующей кредитно-денежной политики (вследствие низкой чувствительности инвестиционного спроса по отношению к изменению процентной ставки и высокой чувствительности спроса на деньги к изменению процентной ставки). В 60–80-е гг. полемика с кейнсианством по вопросу об антициклическом государственном регулировании велась не только монетаристами и «новыми классиками», но и «новыми кейнсианцами». Так, монетаристы отдали приоритет кредитно-денежной политике и одновременно обосновали политику правил (монетарное правило) [Friedman, 1968, p. 14–17]. У «новых классиков» идея использования правил макроэкономической политики получает дальнейшее теоретическое обоснование, поскольку предполагается экономика с рациональными ожиданиями экономических агентов [Лукас, 1976; Кюдланд, Прескотт, 1977]. Правила — это «второе лучшее», утверждают Р. Барро и Д. Гордон [Барро, Гордон, 1983]. «Новые кейнсианцы» из двух типов политики (бюджетно-налоговое или кредитно-денежное регулирование) отдают предпочтение монетарному воздействию [Тобин, 1986]; исследуются последствия применения правил в экономике с несовершенными рынками [Фелпс, Тэйлор, 1977]. Идеи Дж. Кейнса о государственном регулировании обсуждаются всеми ведущими теоретиками в области макроэкономики, а положение М. Фридмана о приоритете недискреционной политики последовательно разрабатывается тремя школами.

В середине XX в. многие страны освобождаются от колониальной зависимости, мир оказывается разделенным на преуспевающие экономики с высокими доходами на душу населения, социалистические страны и так называемые страны третьего мира. Дифференциация стран по уровню доходов на душу населения становится еще одной проблемой, над которой размышляют экономисты разных школ. Наиболее успешно проблемы экономического роста были решены в рамках модели Р. Солоу во второй половине 50-х гг. В основе модели лежал неоклассический подход; она давала возможность делать прогнозы о сближении стран по уровню благосостояния населения или, наоборот, об усилении процессов дивергенции. Через тридцать лет, в 1987 г. в своей Нобелевской лекции Р. Солоу отметит, что «теория роста не начинается с моих статей 1956 и 1957 гг. и, конечно

же, не завершается сегодня. Может быть, она начинается с «Богатства народов» Адама Смита, и, вероятно, даже он имел предшественников. Если же говорить о более близком к 50-м гг. периоде, то я шел по пути, наметенному Роем Харродом и Евсеем Домаром, а также, в несколько ином контексте, Артуром Левисом... Я верю в то, что идеи «неоклассической» теории роста жизнеспособны именно потому, что они оказались притягательными для исследовательского сообщества, причем достаточно разнородного сообщества: на одну и ту же базовую модель опираются и Лукас, и Прескотт, и Маленво, и теоретики, такие как Карл Шелл, и другие» [Солоу, 1987].

Р. Лукас и П. Ромер вслед за Р. Солоу продолжили исследование феномена роста, включив в производственную функцию человеческий капитал и сферу НИОКР. Разработанные ими модели эндогенного роста составляют основу для понимания источников и факторов роста в современной экономике знаний.

Новая классическая макроэкономика в рамках дискуссии о государственном регулировании обосновала вывод о неэффективности государственной политики в экономике с рациональными ожиданиями (PIP — policy ineffectiveness proposition). В дальнейшем в лице своих ярких представителей — Ф. Кюдланда, Э. Прескотта [Kydland, Prescott, 1982], Дж. Лонга, Ч. Плоссера [Long, Plosser, 1983] и др., эта школа концентрирует усилия на решении проблем макроэкономической динамики. Исследования в этой области привели к появлению концепции экономических колебаний (RBC, DSGE-модели). Позднее к разработке динамических стохастических моделей общего равновесия подключились и «новые кейнсианцы». В современных учебниках промежуточного уровня уже содержится общая характеристика DSGE-моделей, их предпосылок и составных элементов, даны примеры использования моделей этого типа в анализе динамических процессов, происходящих в экономике [Jones, 2014].

Таковы основные проблемы, которые исследует макроэкономика (экономическая политика; экономический рост; экономические колебания) и история макроэкономики, ознаменовавшаяся не менее чем двумя научными революциями (кейнсианской революцией и революцией рациональных ожиданий).

### **Учебные программы в зеркале методологических аспектов экономической науки**

При подготовке учебных программ по макроэкономике возникает ряд методологических трудностей. Сложность заключается в ответе на вопрос, что именно — теория макроэкономики или ее история станет стержнем содержания учебной программы. Историческая последовательность школ

или основные проблемы: модели экономического роста, концепции экономической политики, модели экономических колебаний — будут определять структуру учебной дисциплины.

Формирование цельного, системного представления студентов-экономистов о такой области научного знания, как макроэкономика, по нашему мнению, определяется не количеством интересных гипотез, теорий или моделей в учебном курсе, а реализацией принципа единства исторического и логического.

В настоящее время начальный этап изучения макроэкономики («Макроэкономика-1») включает в себя, как правило, базовые понятия и кейнсианские модели.

Программы курса макроэкономики промежуточного уровня («Макроэкономика-2») формируются под воздействием разных подходов. В подавляющем большинстве учебников и учебных программ авторы придерживаются «проблемной» логики, выстраивая разделы курса в соответствии с некоторым критерием в изучении проблем. Например, учебник Грегори Мэнкью «Макроэкономика» приводит различие между долгосрочными и краткосрочными макроэкономическими проблемами [Мэнкью, 1994]. В учебнике Оливера Бланшара использован тот же, но несколько модифицированный принцип: в нем выделено ядро проблем (краткосрочный, среднесрочный, долгосрочный периоды) и дополнения (ожидания, открытая экономика, патологии, снова политика) [Бланшар, 2010]. Учебник Эндрю Абеля и Бена Бернанке выделяет проблематику долгосрочного периода, затем деловые циклы и макроэкономическую политику и, наконец, макроэкономическую политику, ее среду и институты [Абель, Бернанке, 2008].

Учебник А. А. Никифорова, О. Н. Антипиной, Н. А. Миклашевской основан на последовательности научных школ, или научно-исследовательских программ (неоклассическая макроэкономическая модель, кейнсианская макроэкономическая модель, кейнсианско-неоклассический синтез, монетаристская макроэкономическая модель, новая классическая макроэкономика, новая кейнсианская макроэкономическая модель) [Никифоров, 2010].

После завершения курса «Макроэкономика-1», посвященного измерению результатов общественного производства, основным макроэкономическим понятиям и кейнсианским моделям, преподаватели делают выбор в пользу тех или иных принципов построения курса «Макроэкономика-2», а также учебников, поддерживающих этот выбор.

Конкуренция научных теорий находит свое отражение в учебной литературе. В таком случае выбор, который делают преподаватели, опосредованно представляет собой выбор между разными теориями, а построение курса макроэкономики включает в себя методологические аспекты, связанные с трактовкой научного прогресса в данной области знания.

Автор известных работ по философии науки К. Поппер полагал, что наука развивается путем догадок, гипотез и их опровержений, когда ученые стремятся пересмотреть некоторые ранее высказанные идеи и теории. Науку движет исправление ошибок; научный прогресс — это естественный процесс отказа от ложных идей и гипотез. «Каждое опровержение следует рассматривать как большой успех, и успех не только того ученого, который опроверг теорию, но также и того ученого, который создал опровергнутую теорию и тем самым первым, хотя бы и косвенно, предложил опровергающий эксперимент. Даже если новая теория нашла раннюю смерть (как это случилось с теорией Бора, Крамерса и Слэтера), она не должна быть забыта; следует помнить о ее привлекательности, и история должна засвидетельствовать нашу благодарность ей за то, что она завещала нам новые и, может быть, еще не объясненные экспериментальные факты и вместе с ними новые проблемы, за то, что она служила прогрессу науки в течение своей плодотворной, хотя и краткой жизни» [Поппер, 2004, с. 405].

В числе самых известных мыслителей и последователей К. Поппера — И. Лакатос, английский философ венгерского происхождения, после войны он был аспирантом С. А. Яновской (МГУ), создавшей советскую школу философии математики.

И. Лакатос талантливо развил взгляды К. Поппера и предположил, что наука создается внутри научно-исследовательских программ (НИП). Программы, в свою очередь, состоят из набора идей, которые считаются истинными и не подлежат пересмотру со стороны своих приверженцев. Научный прогресс имеет место тогда, когда объем программы увеличивается настолько, что те случаи, которые ранее считались аномальными, получают объяснение в теориях, разработанных в НИП. Прогрессивная НИП привлекает новых сторонников. Согласно Лакатосу, каждая научно-исследовательская программа обладает определенной структурой: это «жесткое ядро», «защитная оболочка» [Лакатос, 2008, с. 217–218].

Этот подход к объяснению прогресса в науке оказался весьма плодотворным и породил глубокие дискуссии о методологии науки в 60–80-е гг. прошлого века.

Автор теории развития науки как конкурирующих научно-исследовательских программ в первую очередь изучал закономерности развития математики, впоследствии — многих естественных наук, науки об обществе не входили в сферу его непосредственных научных интересов. Несмотря на это, история макроэкономики, основные этапы ее развития — господство неоклассических идей, подъем и упадок кейнсианства, взлет и падение монетаризма, революция рациональных ожиданий (новая классическая макроэкономика), возрождение кейнсианства (новая кейнсианская макроэкономика), появление поведенческой макроэкономики, синтез разных НИП — логично раскрываются при помощи методологии И. Лакатоса.

Этот подход позволил специалистам по методологии экономической науки и историкам экономической мысли описать развитие макроэкономики как историю зарождения, развития, упадка, возможно, возрождения в новых исторических условиях различных научно-исследовательских программ. Вспомним написанную в этом ключе книгу М. Блауга «Методология экономической науки», второе издание которой вышло в 1992 г.

М. Блауг, разделяя взгляды К. Поппера и И. Лакатоса, тем не менее предостерегает от некритичного взгляда на историю макроэкономики, по его собственному выражению, «через лакатошианские очки»: «Экономическая теория постоянно затрагивает вопросы, относящиеся к области государственной политики, так что главные экономические доктрины являются не только научно-исследовательскими программами (НИП) в лакатошианском смысле, но и программами политических действий (ППД). Эта двойная функция экономических теорий приводит к ситуациям, когда одна и та же конкретная теория оказывается «деградирующей» НИП и «прогрессивной» ППД, т.е. предлагает правительствам расширяющийся список мероприятий... Как бы то ни было, но тот факт, что экономическая теория является наукой, помимо прочего еще ориентированной и на политику, служит по крайней мере одной из основных причин, по которой методология НИП Лакатоса не идеально описывает историю экономической теории или в любом случае описывает ее значительно хуже, чем историю физики» [Блауг, 2004, с. 367].

Отметим, что М. Блауг имеет в виду использование методологии И. Лакатоса не для изучения экономической теории как таковой, а для изучения истории экономической науки.

Как в наше время учеными, занимающимися вопросами методологии, оценивается значение идей К. Поппера и И. Лакатоса? В целом теория НИП способствовала «самоопределению» экономистов в рамках неовальрасианской или посткейнсианской программ [Weintraub, 1989; Weintraub, 1999]; при этом признается, что не удалось добиться общего понимания того, что составляет «жесткое ядро» и «защитный пояс» программ, хотя усилия в этом направлении были предприняты [Gonzalez, 2014].

Дискуссия по вопросам методологии экономической науки нашла свое отражение в Руководстве по философии науки [Handbook of the Philosophy of Science, 2012]. Этой теме посвящена статья Р. Бекхауза «Взлет и падение Поппера и Лакатоса в экономиксе». Как следует из названия статьи, к настоящему времени произошло переосмысление методологии экономической науки, идеи Поппера и Лакатоса утратили то значение, которое делало их центром научных дискуссий [Backhouse, 2012].

Вернемся к проблемам методологических основ подготовки учебных программ по макроэкономике. Предложив студентам изучать макроэкономику как совокупность НИП, преподаватели должны сформировать представление о «жестком ядре» и «защитном поясе» неоклассики,

кейнсианства и других школ макроэкономики. В этом случае учебный курс макроэкономики становится курсом, основанным на методологии научного знания по И. Лакатосу.

Сторонники идеи изучения макроэкономики как совокупности различных научно-исследовательских программ видят преимущества своего подхода в том, что преподаватели и студенты остаются как бы «над схваткой», вне борьбы идей, поскольку студентами в равной мере изучаются все научные школы. Должное внимание уделяется историческим условиям появления каждой из них, общим предпосылкам моделей, разработанных представителями каждой школы, вкладу в экономическую теорию.

При альтернативном построении курса макроэкономики во главу угла ставятся не школы, а собственно проблемы, которые и являются предметом макроэкономических исследований. При этом, конечно, рассматриваются разные подходы к решению той или иной научной задачи, будь то моделирование экономического роста, инвестиционного спроса или последствий государственной политики; обсуждаются основные модели, предложенные экономистами разных школ.

В таком случае, может быть, мы имеем дело с двумя альтернативными, но одинаково эффективными способами построения курса? Представляется, что два разных методологических подхода к программе курса формируют у участников образовательного процесса, преподавателей и студентов, разное понимание не только непосредственного предмета изучения, макроэкономики, но и ряда важных аспектов развития экономической науки в целом.

Если основными элементами структуры курса макроэкономики являются научно-исследовательские программы, содержание каждой из которых последовательно раскрывается в рамках заданных предпосылок при помощи определенного набора моделей, история макроэкономики воспроизводится через череду последовательно сменяющих друг друга мейнстримов. Одновременно студентам становятся ясны причины трансформации научных представлений о взаимосвязи рынков реального и денежного секторов экономики, изменение взглядов на цели, задачи и последствия антициклического государственного регулирования. Простота и последовательность в изучении курса — это весомые аргументы на стороне такого подхода к изложению макроэкономики для бакалавров.

С другой стороны, разделение макроэкономики на отдельные научно-исследовательские программы не направляет внимание студентов на процесс постепенного накопления знаний в ходе изучения тех или иных макроэкономических явлений, напротив, делается акцент на опровержении результатов предшествующих исследований новой научной школой.

В пределах одной НИП должна существовать лишь одна теория потребления, одна модель инвестиционного спроса, однозначные критерии выбора той или иной стимулирующей политики. Поэтому любая

теория потребления предстает как «теория потребления данной НИП», и обрывается пуповина связи этой концепции потребления с более ранними и с позднейшими гипотезами и моделями потребительского спроса.

В нобелевской лекции «Жизненный цикл, личные сбережения и богатство нации» Ф. Модильяни отмечает, что гипотеза жизненного цикла (ГЖЦ), автором которой он является, и гипотеза перманентного дохода (ГПД) М. Фридмена развивают идеи И. Фишера о поведении рационального потребителя, максимизирующего полезность. «...репрезентативный потребитель стремится поддерживать свое потребление на стабильном уровне... в краткосрочном аспекте (год) размер сбережений определяется тем, насколько текущий доход отличается от средних жизненных ресурсов. Этот вывод является общим как для ГЖЦ, так и для ГПД Фридмена...» [Модильяни, 1985]. Формальная принадлежность к разным школам макроэкономики (И. Фишер — это неоклассическая НИП, Ф. Модильяни — представитель кейнсианско-неоклассического синтеза, М. Фридмен — лидер монетаризма) лишает возможности изучить эти модели в единстве, как последовательные этапы развития теории потребления, включая теорию потребления Р. Холла, основанную на гипотезе рациональных ожиданий и концепции перманентного дохода М. Фридмена.

Даже разделяя методологические принципы И. Лакатоса, вряд ли целесообразно подходить к изучению научно-исследовательских макроэкономических программ как к конкурирующих и самодостаточных научных школ, т.е. рассматривать их во внешней исторической последовательности, но вне внутренней объединяющей связи друг с другом. В теории монетаристов прогнозы экономических агентов формируются на основе адаптивных ожиданий, «новые классики» опираются на гипотезу рациональных ожиданий, «новые кейнсианцы» разрабатывают концепцию «почти рациональности». Несмотря на различия, все перечисленные школы сформировали новое понимание общего экономического равновесия. Последнее может быть достигнуто только при условии, что фактические и ожидаемые значения макроэкономических переменных совпадут друг с другом. Правомерно ли относить монетаризм, новую классическую макроэкономику и новую кейнсианскую макроэкономику к разным научно-исследовательским программам, если корректировка ожиданий рассматривается ими как механизм достижения равновесия на уровне полной занятости?

Макроэкономисты всех направлений и школ тестируют и развивают не только собственные теории, но и научные гипотезы своих предшественников и оппонентов. Концепция естественного уровня безработицы (Э. Фелпс и М. Фридмен) сыграла значительную роль в развитии как «новой классики», так и «нового кейнсианства». В 1995 г., в 25-летие гипотезы естественного уровня широко обсуждалось соответствие этой теории эмпирическим данным и ее влияние на последующее развитие

макрэкономики. Концепция гистерезиса как альтернатива теории естественного уровня безработицы, по мнению ее сторонников, не представляла собой ничего большего, кроме устойчивых отклонений от естественного уровня [Cross, 1995].

В современных моделях «новые кейнсианцы», принимая в качестве предпосылок несовершенство рынка и асимметрию информации, анализируют микроосновы макропроцессов, как «новые классики» и монетаристы. И новая классическая макроэкономика, и новое кейнсианство, по нашему мнению, представляют макроэкономику на новом (по сравнению с традиционным кейнсианством) уровне, что объединяет эти школы. Это зрелая макроэкономика, которая развивается как сложная система знаний, а различные школы и направления внутри этой системы исследуют все многообразие макроэкономических проблем. Иначе невозможен новый синтез.

Разделение макроэкономики на школы в учебных курсах для бакалавров не должно препятствовать реализации принципа преемственности в науке, мешать осознанию ключевых концепций, которые шире, чем отдельная школа.

Исторически кейнсианство пришло на смену неоклассическому взгляду на макроэкономику. Означает ли это, что от макроэкономики безнадежно отстала микроэкономика, в рамках которой до сих пор подробнейшим образом изучают неоклассические модели? Конечно, это не так. Неоклассические модели обычно описывают поведение частных экономических агентов в закрытой экономике без государственного вмешательства, но они могут быть расширены и для экономики с участием государства. Несложно ввести в модель выбора домашнего хозяйства между потреблением и досугом налоги на активы, что приведет к сокращению бюджетного множества, уменьшению оптимального количества часов досуга, сокращению величины потребления, одновременному увеличению количества часов труда. На макроэкономическом уровне это приведет к изменению равновесия рынка труда, увеличению человеко-часов труда и сокращению равновесной реальной ставки заработной платы. Мы получим однопериодную модель макроэкономики, где государство будет экономическим агентом, влияющим на равновесие рынка труда.

В рамках неоклассической модели межвременного замещения И. Фишера возможна постановка проблемы, которая носит название барро-рикардианской эквивалентности и принадлежит новой классической макроэкономике.

Усовершенствованная неоклассическая модель производственной функции, как и модели поведения домашних хозяйств и фирм в условиях рациональных ожиданий, составляет основу исследования циклических колебаний и экономического роста. По нашему мнению, неоклассическая теория в курсе макроэкономики — это не докейнсианская НИП,

не система взглядов XIX в., а теоретический фундамент современной макроэкономической теории.

Курс, построенный по принципу НИП, вынуждает отказываться от «лишнего» наследия великих экономистов и может значительно упростить реальную историю развития макроэкономики.

И. Фишер, представитель неоклассической школы, и Дж. Кейнс, основоположник макроэкономической теории, в одно и то же время работали над проблемами денег, кредита, процента, инфляции, циклических колебаний. Они были лично знакомы, и не всегда высказанные ими идеи соответствуют их «основной» НИП. Так, И. Фишер писал о противоречиях классической дихотомии, он был убежден в существовании денежных иллюзий, но поскольку это не соответствует предпосылкам неоклассической теории, то упоминать об этом в соответствии с логикой НИП излишне. В 1931 г. в Чикагском университете Дж. Кейнс и И. Фишер вместе с другими учеными обсуждали текущее экономическое положение и реакцию правительства на Великую депрессию. Их общая оценка происходящих событий была оценкой со стороны здравого смысла, а не конкуренцией альтернативных теоретических подходов.

Оправданно ли изучение всех научных школ в макроэкономике при помощи единого алгоритма? Можно ли каждое направление, или НИП, рассматривать в заранее определенной последовательности: от моделей реального сектора экономики к теориям финансового сектора, далее — к концепции общего равновесия и, наконец, к проблемам государственного регулирования и оценке его эффективности в представлении сторонников данной школы? По нашему мнению, принцип единообразия не акцентирует внимание студентов на развитии макроэкономики как системы знаний. Получается так, как будто макроэкономика «ходит по кругу»; из десятилетия в десятилетие разные школы пересматривают старые проблемы, и не появляется нового качества макроэкономики как важной части экономической теории.

Макроэкономика времен Дж. Кейнса и макроэкономика сегодня — это принципиально разные этапы познания макроэкономической проблематики. Спектр исследуемых явлений стал существенно шире. Вряд ли можно полагать, что проблема неравенства должна находиться вне поля зрения макроэкономики, что эта тема принадлежит экономике общественного сектора или, например, что международная торговля должна изучаться лишь в курсе международной экономики. В условиях глобализации международная торговля, международная трудовая миграция, глобальный финансовый рынок исследуются не только в рамках специальных дисциплин, но и в макроэкономических моделях. Учебный курс, отображая новое качество науки, должен быть «рациональной реконструкцией» макроэкономической теории, что предполагает включение новых проблем и новых моделей, в то же время от некоторых

тем курса макроэкономики, потерявших свою актуальность, возможно, стоит отказаться.

Совершенствование курса макроэкономики предполагает разработку новых программ, в которых, как нам представляется, историческая последовательность смены научных направлений и школ не будет единственным основанием логики курса. Выбор: читать курс только «по проблемам» или только по «школам» — перед нами не стоит. Эти блага потребляются нашими студентами одновременно, «в наборе». В новых программах нужен баланс между школами и проблемами при сохранении всего ценного, что есть в нынешних программах, т.е. совокупности проблем, составляющих предмет макроэкономики, и основных теоретических подходов, которые разработаны учеными разных научных направлений и школ.

Обратимся к автору концепции научно-исследовательских программ И. Лакатосу: «Философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа» [Лакатос, 2008, с. 201]. Единство исторического и логического в преподавании макроэкономики воплотить сложнее, чем изучить теоретическое наследие научных школ в макроэкономике.

Р. Коуз, полемизируя с М. Фридменом и его «Методологией позитивной экономической науки» отметил: «Как вы все знаете, ответ, который он (*М. Фридмен*) дает, состоит в том, что о ценности теории «следует судить по точности, широте охвата и согласованности с реальностью тех предсказаний, которые она дает... Конечная цель позитивной науки — выдвижение «теории» или «гипотезы», которая дает правильные и значимые... предсказания относительно еще не наблюдавшихся явлений». Я должен сразу отметить, что не считаю ответ Милтона Фридмена удовлетворительным... теория — это не расписание самолетов или автобусов. Мы не заинтересованы просто в точности ее прогнозов. Теория также служит основой для того, чтобы думать. Она позволяет нам понять, что происходит, помогая организовать наши мысли. Столкнувшись с выбором между теорией, которая хорошо предсказывает, но дает мало понимания того, как работает система, и теорией, которая дает нам это понимание, я предпочту последнюю, и я склонен думать, что большинство экономистов сделают тоже самое» [Коуз, 2015, с.18–19].

Изучая теорию макроэкономики, студенты, по точному выражению Р. Коуза, должны научиться понимать, «как работает система». Система в курсе макроэкономики — нечто большее, чем совокупность взглядов монетаристов или «новых классиков», а также анализ тех или иных конкретных моделей. Курс, который не дает системного видения современных макроэкономических проблем, замещая его множеством отдельных систем в рамках НИП, является, по нашему мнению, неверным методологически.

Теория и история макроэкономики в их неразрывном единстве составляют содержание учебных программ по этой дисциплине. Главным структурным элементом учебной дисциплины являются научные про-

блемы. В курсе макроэкономики, как мы пытались показать, это экономический рост, экономические колебания, экономическая политика. Реализация «проблемного» подхода к изучению макроэкономики не означает, что его авторы автоматически становятся приверженцами только одной из нескольких школ или НИП, сложившихся в науке, в ущерб альтернативным подходам. Погружение в ту или иную проблему дает возможность изучить значимые этапы ее решения и реализовать принцип преемственности идей, гипотез, концепций.

В ходе разработки программ курса макроэкономики, на наш взгляд, целесообразно придерживаться следующего алгоритма.

Во-первых, следует выделить основные проблемы, разрабатываемые в соответствии с предметом макроэкономики.

Во-вторых, необходимо представить разнообразие трактовок тех или иных проблем в качестве закономерных этапов научного познания.

В-третьих, нужно обратить особое внимание на «пункты согласия», т.е. на аспекты проблем, по которым существует некоторый консенсус.

В-четвертых, важно подчеркнуть дискуссионность тех или иных вопросов, т.е. выделить «точки несогласия», одновременно являющиеся и точками приращения научного знания в процессе будущих научных исследований.

Основным критерием качества учебной программы, по нашему мнению, является ее нацеленность на формирование системного взгляда на предмет изучения, что реализуется при помощи логической последовательности разделов курса, точности и глубины проработки основных проблем и своевременного обновления материала.

В наше динамичное время поток новых фактов, явлений, тенденций часто остается без должного внимания создателей учебных программ.

Мы являемся свидетелями бурного развития науки, появления новых продуктов и технологий, но одновременно с этим наблюдаем снижение темпов экономического роста. Научно-технический прогресс способствует повышению благосостояния, но порождает проблемы, связанные с расслоением среднего класса и углублением неравенства. Потоки информации, доступные самым широким слоям населения, дают потенциальную возможность укрепления доверия между отдельными людьми, обществом и властью, но и таят в себе опасность манипулирования общественным сознанием, ожиданиями и настроениями масс. Глобальная нестабильность начала XXI в. сопровождается усиливающимися дезинтеграционными процессами. Все это противоречивые явления последних десятилетий.

Студенческая аудитория справедливо сетует на то, что наши курсы перегружены сложным теоретическим материалом, а современным проблемам — замедлению темпов экономического роста, глобальным кризисам, неравенству — не уделяется достаточного внимания. Тем важнее задача, стоящая перед разработчиками учебных программ. Эта задача, как нам

кажется, состоит в том, чтобы показать заинтересованным студентам пре-емственность идей, общепризнанные достижения современной экономической науки и основные направления ее развития.

### Список литературы

1. *Абель Э., Бернанке Б.* Макроэкономика. 5-е изд. — СПб.: Питер, 2008.
2. *Бланиар О.* Макроэкономика: учебник. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.
3. *Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. — М.: НП «Журнал «Вопросы экономики», 2004.
4. *Коуз Р.* Очерки об экономической науке и экономистах. — М., СПб.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
5. *Лакатос И.* История науки и ее рациональные реконструкции // Избранные произведения по философии и методологии науки. — М.: Академический проект; Трикта, 2008. — С. 201–280.
6. *Модильяни Ф.* Жизненный цикл, личные сбережения и богатство нации. Нобелевская лекция, 1985 г. // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т. 5. Всемирное признание. Лекции нобелевских лауреатов, книга первая. — М.: Мысль, 2004. — С. 529–560.
7. *Мэнкью Н. Г.* Макроэкономика. — М.: МГУ, 1994.
8. *Никифоров А. А., Антипина О. Н., Миклашевская Н. А.* Макроэкономика: научные школы, концепции, экономическая политика. — М.: Дело и сервис, 2010.
9. *Поппер К. Р.* Предположения и опровержения: Рост научного знания. — М.: АСТ, 2008.
10. *Солоу Р.* Теория роста и дискуссии о ней. Нобелевская лекция, 8 декабря 1987 г. // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т. 5. Всемирное признание. Лекции нобелевских лауреатов, книга первая. — М.: Мысль, 2004. — С. 574–592.
11. *Backhouse R. E.* The Rise and Fall of Popper and Lakatos in Economics — Handbook of the Philosophy of Science. Vol. 13: Philosophy of Economics, Volume editor Uskali Mäki. — Elsevier, 2012. — P. 25–48.
12. *Barro R. J. and Gordon D. B.* Rules, Discretion, and Reputation in a Model of Monetary Policy // Journal of Monetary Economics. — 1983. — No. 12. — P. 101–121.
13. *Friedman M.* The Role of Monetary Policy // The American Economic Review. — 1968. — March. — Vol. LVIII. — P. 1–17.
14. *Friedman M.* A Theoretical Framework for Monetary Analysis // Journal of Political Economy. — 1970. — Vol. 78. — No. 2. — P. 193–238.
15. *Gonzalez W. T.* The Evolution of Lakatos's Repercussion on the Methodology of Economics // HOPOS: The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science. — 2014. — Vol. 4. — No. 1. — P. 1–25.
16. *Jones Charles I.* Macroeconomics. 3rd Edition. — N. Y., London: W. W. Norton & Company, 2014.
17. *Kydland F. E. and Prescott E. C.* Rules rather than Discretion: The Inconsistency of Optimal Plans // Journal of Political Economy. — 1977. — Vol. 85. — P. 473–491.

18. *Kydland F.E. and Prescott E.C.* Time to Build and Aggregate Fluctuations // *Econometrica*. — 1982. — 50 (6). — P. 1345–1370.
19. *Long J.B., Jr. and Plosser C.I.* Real Business Cycles // *Journal of Political Economy*. — 1983. — Vol. 91. — P. 39–69.
20. *Lucas R.E., Jr.* Expectation and the Neutrality of Money // *Journal of Economic Theory*. — 1972. — No. 4. — P. 103–124.
21. *Lucas R.E., Jr.* Econometric Policy Evaluation: A Critique in The Phillips Curve and Labor Markets. — Vol. 1. Carnegie–Rochester Conference Series of Public Policy; K. Brunner and A. H. Meltzer (eds). — Amsterdam, 1976. — P. 19–46.
22. *Mankiw N.G., Reis R.* Friedman’s Presidential Address in the Evolution of Macroeconomic Thought. NBER Working Paper No 24043. — November 2017. — P. 1–28.
23. The Natural rate of unemployment: reflections on 25 years of the hypothesis / ed. by Rod Cross. — Cambridge University Press, 1995.
24. *Phelps E.S. and Taylor J.B.* Stabilizing Powers of Monetary Policy under Rational Expectation // *Journal of Political Economy*. — 1977. — Vol. 85 (1). — P. 163–190.
25. *Prescott E.C.* Chapter 22. RBC Methodology and the Development of Aggregate Economic Theory. *Handbook of Macroeconomics*. — Vol. 2 / Editor(s): John B. Taylor, Harald Uhlig. — Elsevier, 2016. — P. 1759–1787. URL: <https://doi.org/10.1016/bs.hesmac.2016.03.001>
26. *Tobin J.* The Monetary and Fiscal Policy Mix // *Economic Review* (Federal Reserve Bank of Atlanta). — 1986. — August–September. — P. 4–16.
27. *De Vroey M.* A History of Macroeconomics from Keynes to Lucas and Beyond. — Cambridge University Press, 2016.
28. *Weintraub E.R.* Methodology Doesn’t Matter, but the History of Thought Might // *Scandinavian Journal of Economics*. — 1989. — Vol. 91. — No. 2. — P. 477–493.
29. *Weintraub E.R.* How should we write the history of twentieth-century Economics // *Oxford Review of Economic Policy*. — 1999. — Vol. 15. — No. 4. — P. 139–152.

### The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Abel’ E., Bernanke B.* Makroekonomika. 5-e izd. — SPb.: Piter, 2008.
2. *Blanshar O.* Makroekonomika: uchebnik. — M.: Izd. dom Gos. un-ta — Vysshei shkoly ekonomiki, 2010.
3. *Blaug M.* Metodologiya ekonomicheskoi nauki, ili Kak ekonomisty ob”yasnyayut. — M.: NP «Zhurnal Voprosy ekonomiki», 2004.
4. *Kouz R.* Ocherki ob ekonomicheskoi nauke i ekonomistakh. — M., SPb.: Izd-vo Instituta Gaidara, 2015.
5. *Lakatos I.* Istoriya nauki i ee ratsional’nye rekonstruktsii // *Izbrannye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki*. — M.: Akademicheskii proekt; Triksa, 2008. — S. 201–280.
6. *Modil’yani F.* Zhiznennyi tsikl, lichnye sbrezheniya i bogatstvo natsii. Nobelevskaya lektsiya, 1985 g. // *Mirovaya ekonomicheskaya mysl’*. Skvoz’ prizmu vekov. T. 5. Vsemirnoe priznanie. Lektsii nobelevskikh laureatov, kniga pervaya. — M.: Mysl’, 2004. — S. 529–560.
7. *Menk’yu N.G.* Makroekonomika. — M.: MGU, 1994.

8. *Nikiforov A. A., Antipina O. N., Miklashevskaya N. A.* Makroekonomika: nauchnye shkoly, kontseptsii, ekonomicheskaya politika. — M.: Delo i servis, 2010.
9. *Popper K. R.* Predpolozheniya i oproverzheniya: Rost nauchnogo znaniya. — M.: AST, 2008.
10. *Solou R.* Teoriya rosta i diskussii o nei. Nobelevskaya lektiya, 8 dekabrya 1987 g. // Mirovaya ekonomicheskaya mysl'. Skvoz' prizmu vekov. T. 5. Vsemirnoe priznanie. Leksii nobelevskikh laureatov, kniga pervaya. — M.: Mysl', 2004. — S. 574–592.

**ПАМЯТИ В. Н. ЧЕРКОВЦА**  
**(26.03.1924–23.04. 2018)**

**REMEMBERING V. N. CHERKOVETS**  
**(26.03.1924–23.04. 2018)**

Администрация и кафедра политической экономии экономического факультета МГУ с прискорбием извещают, что 23 апреля 2018 г. после продолжительной тяжелой болезни скончался на 95-м году жизни Виктор Никитич Черковец.

После окончания школы В. Н. Черковец с сентября 1941 по июнь 1942 г. — первокурсник историко-филологического факультета Казанского университета. С июня 1942 г. он в Красной Армии. В действующей армии он с лета 1943 г., был участником Великой Отечественной войны. После демобилизации из Советской Армии в 1950 г. становится второкурсником экономического факультета МГУ, с которым впоследствии была связана вся его жизнь. Окончив факультет в 1954 г., становится аспирантом кафедры политической экономии, а с 1957 г. — ее ассистентом. С тех пор он прошел славный путь от ассистента до профессора (1967 г.) и декана экономического факультета МГУ (1980–1987 гг.).

На экономическом факультете МГУ в конце 50-х гг. под руководством тогдашнего заведующего кафедрой политической экономии проф. Н. А. Цаголова сложился сильный талантливый коллектив ученых, взявшийся за очень сложную задачу обновления всего облика политической экономии социализма. В этом созвездии талантов Виктор Никитич заслуженно и общепризнанно был в первом ряду, им лично и в соавторстве были написаны центральные главы учебника. Интенсивные исследования в этой области завершились выходом в свет знаменитого «Курса политической экономии» в двух томах под ред. Н. А. Цаголова (первое издание 1963 г.), в работе над которым Виктор Никитич участвовал не только в качестве одного из ведущих авторов, но и как редактор значительной части обоих томов. В бурных и плодотворных научных дискуссиях, связанных с обсуждением и написанием этого учебника, разрабатывались идеи, которые были положены в основу докторской диссертации В. Н. Черковца на тему «Категория планомерности и вопросы системы политической экономии социализма», защищенной им в 1965 г. Активная исследовательская работа воплотилась тогда не только в «Курсе» и его докторской диссертации, но и вышедших в том же 1965 г. в свет двух важнейших фундаментальных работах Виктора Никитича — «О методологических принципах полити-

ческой экономии как научной системы» и «Планомерность социалистического производства».

С 1972 по 1980 г., не порывая с родным экономическим факультетом МГУ, он работал в Институте экономики АН СССР заместителем директора по научной работе, одновременно возглавлял отдел общих проблем политической экономии социализма и сектор системы экономических категорий и законов социализма.

Виктор Никитич был на протяжении многих лет видным организатором и руководителем экономической науки и высшего экономического образования в СССР. С 1961 по 1971 г. он работал заместителем заведующего кафедрой политической экономии и заместителем декана экономического факультета МГУ по научной работе, с 1972 по 1980 г. — в АН СССР. В 1980 г. он избирается деканом экономического факультета МГУ и работает на этом посту до 1987 г. С 1987 по 1998 г. заведующий лабораторией совершенствования производственных отношений (впоследствии — проблем собственности) экономического факультета МГУ.

Виктор Никитич был на протяжении нескольких десятилетий членом редколлегий и главным редактором ряда известных экономических журналов страны, в том числе нашего «Вестника Московского университета (серия Экономика)». Он долгие годы был председателем и членом ученых советов экономического факультета МГУ, Института экономики АН СССР, ряда диссертационных советов, научных советов АН СССР. Являлся организатором и бессменным руководителем проблемной группы кафедры политэкономии «Воспроизводство и экономический рост».

Под руководством Виктора Никитича подготовлено 42 кандидатских и 12 докторских диссертаций. Им опубликовано более 400 научных работ общим объемом свыше 500 печатных листов. Под его руководством, по его инициативе и активном авторском участии изданы десятки монографий, посвященных самым актуальным проблемам экономики, методологии и экономической теории.

Виктора Никитича отличала самая высокая требовательность как к собственным научным работам, так и к работам его сотрудников и учеников. Талант крупного методолога, теоретика, политикоэконома, преподавателя признавался всеми, с кем приходилось общаться Виктору Никитичу в его научной, публицистической и преподавательской деятельности.

Виктор Никитич награжден двумя орденами и 17 медалями. В 2018 г. ему объявил благодарность Президент РФ В. В. Путин.

Светлая память о В. Н. Черковце навсегда сохранится в наших сердцах.